

(Окончание. Начало в №81).

Небушка, небушка побольше нарисуй, — сказала как-то она, и я впервые услышал её голос; мальчиковый, даже малышовый.

Она была мой одноклассник, доверчивость её была русалочья. Волосы облепляли влажную от дневной жары шею, и на шейке той билась синяя, бирюзовая жилка.

Я молчал, потому что говорю с таким существом надо каким-то другим, небесным языком, а я не мог в тот миг изъясниться и на простом земном.

Она подошла и погладила меня по лицу левой рукой; правая качалась ивовым прутком. От её косновений прятался аромат, я навсегда запомнил его; от ладони, от всей Граши шёл чистый девичий запах, ему нет названий.

Такой запах качает тебя в волшебных снах, греет в гробовых ледниках и возвращает к жизни из самых тяжких, самых глубинных и больных запоев.

— Научи меня, — не отрывая мягкой душистой ладошки от моих покорно зажмуренных глаз, всё тем же голосом попросила Граша. — Я смогу и одной рукой. А за это... Я за это буду тебе мыть. Каждый день... всю жизнь.

Ещё секунда — и я бросил бы грубую и неумелую свою кисть и обхватил бы Грашу, и сам омыл бы её босые игристые ступни умилёнными слезами и поцелуями.

Но стукнула гремучая, тяжёлая, какие были тогда во всех домах, дверная щеколда — и у порога появился Иван.

На его некрасивом, с буро-серыми рябинками лице не отразилось ничего: ни удивления, ни смятения, ни злобы. Иван переступил с ноги на ногу и понуро — такой понурости я у него ещё не видел — сказал:

— Гранёша... пойдём вечером к Десне.

Граша наконец оторвалась от меня, опустила разом потухший васильковый взгляд и молча вышла — не слышно, словно спугнутый летучий серафим.

Он поспешно пропустил её, посто-ял ещё с минуту, не глядя на меня, щуплого и съёжившегося, — и тоже ушёл.

В ту же ночь Евгений прихватил Ивана у дочкиного шалашика. Граша всегда спала в этом шалаше, уютной тростниковой колыбельке поодаль от сада, на чудном деснянском склоне, куда падали первые утренние и последние вечерние — в общем, самые колдовские солнечные лучи.

Войти в этот шалаш-курёнок было просто, но Иван всю ночь лежал в пятнадцати метрах от него и, похоже, плакал.

Когда Евгений вытащил его из задубевшей травы за чёрные пятки, глаза у Ивана были мокры от росы и тоски. Председатель бил его страшно и умело — под печень, не оставляя следов. Иван не кричал, но так и остался там, пока не прибежал Вовка и не уволок брата домой.

Слабо возгорелся зазывной рубиновый рассвет, от реки-шептуньи тянуло мечтой и хмелевою прохладой; и Граша сладко спала, не ведая беды.

Днём мы с нею пошли к Забродам. Иван лежал на скорбном боку и пролежал так всю неделю.

Потом он уронил нам: — Хочу брусники. Она уж созрела. — Мы принесли, — с поспешной готовностью откликнулись Вовка с Грашей.

— Нет, пойдём все вместе, — ответил Иван в подушку.

Мутно посмотрел на меня и добавил:

— И ты, Юрий, с нами, если хочешь. Не бойся, у меня к тебе зла нет... А ты, Гранёша, лучше останься.

— Я с вами! — голос Граши высоко зазвенел, как колоколец-подголосок на полном ударе. — Иначе вы Юру убьёте.

— Зачем, он же твой друг. А раз твой, то и наш.

— Я иду, — сказал я, но подбородок мой чуть дрогнул.

Они заметили, однако не усмехнулись.

Доярки с сомнением глядели от фермы, как мы на ночь глядя гуськом спустились и по тихо хлюпающему долговому мостку перешли за реку.

До заката, правда, оставалось ча-

са три, но скоро мы поняли, что Иван ведёт нас явно не за брусничкой.

Шли без разговора — пять, семь, десять лесных километров. Ягодные места уплыли в сторону, вокруг пепельно-сажаными пятнами зачернели обрывы.

Это явились дикие края, где человек теряется и пропадает верней, чем иголка в сене.

Сердце моё трепетало: так растерянно стучит оно в жаркой простуде, в какой-нибудь крупозной пневмонии или перед ожиданием бандитского ножа в подворотне, когда наверняка знаешь, что за тобой идут по следу.

Граша держала мою руку, я в ответ обнял её чудесную талию, холодную, как хрусталь, и мягкую, словно полуденный сон.

— Ваня, зябко и темно, — крикнула вперёд Граша.

— Сейчас, потерпи, ласка моя, —

стрёкот слабого кинодвижка за перегородкой дощатого городского кинозала казался нам ответной нашей стрельбой.

— Мы с Вовкой умеем за рулём, а вы с Грашей будете обер-персоны в колясках. На-ка и тебе, Юрий, кокарду. Ты теперь штурмбанфюрер иль вроде того.

— Чего ты задумал? Мы что, куда-то поедём?

— А как же! Прямоком к танцам.

— Да за это... Да и не выедешь отсюда.

Иван в ответ ткнул ногой пускач, и передний мотоцикл ровно, сыто заурчал. Вовка взметнулся на соседний мотоцикл и тоже одним движением завёл.

— Гранёша ко мне в коляску, Юрий к Вовке. Пуговицы на воротниках застегните, автоматы на затвор. Стрелять только вверх.

ли по обе стороны гульбища, осветив его ещё никем не забытыми страшными пережжёнными огнями.

— Хенде хох! — заорал Иван чужим, умело переделанным баском. — Аусвай! Матка, яйки, курка!

А Вовка наперекор Граше долбанул вверх из автомата сухой, чудовищно знакомой очередью.

Народ разногласно охнул и кубарем скатился от мотоциклов в жёсткие боковые травы. Только мелочь пузатая села, где бегала, и обиженно разревелась, будто при виде задиристого клювастого петуха.

— Цурюк! — крикнул брату Иван, вылетая с околицы обратно на дорогу. — А вы в колясках оба молчите, ваши голоса сразу узнают! И больше не стрелять!

— Куда мы? — крикнула ему Граша, уже снова в смерть перепуганная.

порвал на неровные куски, кинул обрывки в морду Евгению — и вдруг поддетски зашёлся в неостановимом смехе, сбросив очки и каску, указывая на председателя пальцем и притопывая в хохоте.

— Иван? — завизжал осрамлённый Евгений, и грязные ручьи пота покапали с его башки ещё сильнее, теперь уже от бешеного гнева. — Решу, паскуда, на этот раз точно порешу!

Председатель брюхасто полез в окно, яростно цапнуть шалопута за литую немецкую бляху.

И уже почти цапнул. Но тут трещёткой затарахтел из коляски автомат. Стреляла Граша.

Твёрдой своей левой ручонкой она жала курок до тех пор, пока боезаряд не выбил всю смолистую щепу между окнами; стреляла, плакала и смеялась от страха.

А когда автомат стих, дочь стояла над распластанным на полу отцом, закрывшим голову руками, не желавшим вставать до тех пор, пока не приехали из милиции и военчасти...

Учтя просьбу всех боровичан, Ивану, Вовке и Граше присудили по году, мне и вдове полгода.

Евгению же влепили полную десятку.

За то, что отдал список коммунистов.

***

Совсем недавно я вновь побывал в Боровичах. Боже мой, через пятьдесят с лишним лет, когда мне уж не семнадцать, а за семьдесят... Жизнь прошла — да нет, не жизнь, а пять или целых десять жизней. Каждому человеку в его единый земной срок назначено отведать много совершенно разной жизни.

Меня встретил Владимир Заброда. Он прожил с Грашей все эти полвека и повёл меня к своему дому, к ней.

По законам любовных писаний принято, что главная героиня с годами ничуть не меняется, и в финале всё так же светлы её глаза и притягателен облик. Может, и верно.

От нормально располневшей Гранёны теперь пахло молоком и пирогами — и этот запах был не менее приятен. Разве что не стучало моё сердце и не душил сладкий обмороч, не захлёстывала счастливая волна. Всё стало спокойно, хорошо, по-родственному. То есть по-стариковски.

— Какой ты был... — с добрым сожалением сказала Гранёна, рассматривая мои обрюзгшие плечи и лицо. — Рисуешь?

— Куда уж безрукому, — пошутил я и тут же смутился от своей бестактности.

— А она и одной рукой мне четырёх вынячила, — сказал понимающе Владимир, поджарый, ставший красивым той особой старческой красотой, которая есть награда людям честным и незлобивым. — Сходим на могилу к Ивану?

Иван умер двадцатилетним из-за отбитых почек.

Мы пошли втроём. Боровичи сделали совсем другие, хуже или лучше, не разберёшь. Избы-клуба не было, как и фермы, и тех доярок; остались Десна-шептунья и закато-рубиновые гривы лесов.

В пустой песчаной улочке нам попался трухлявый дед, сидящий на завалинке и встретивший нас полупоклоном и какой-то мёртвой улыбкой. Мы прошли мимо, я оглянулся: он смотрел вслед с теми же неподвижно растянутыми губами.

— Странная у него улыбка.

— Так это же Евгений. Он такой с отсидки вернулся.

Я заполошно вновь оглянулся.

— Что, поспирител?

— Куда там... Бригадир и долго ещё людей гонобил. Делает пакость — и тут же кланяется и льбится заискивающе. Головка прохудилась у вражины.

— Хватит, ладно, — мягко попросила Граша. — Значит, сполна запла-тил. А сейчас он уже, считай, не живёт.

— Так пусть и земля ему будет ко-менем.

Больше не говорили, только здо-ровались со встречными. Был яблоч-ный Спас, люди шли и тихо светились.

Могила Ивана была проста, низенькая, в ровной ухоженной травке. У креста лежало белое яблоко — цельное и чистое, как душа.

ЮРИЙ ОНОПРИЕНКО

РАССКАЗ

ответил он, не оборачиваясь и ускоряя шаг.

Вовка же обернулся и засмеялся, но тоже по-своему:

— Сейчас будет трофейное кино. Согреетесь.

Вовка был послушником брата-двойняшки, так же ряб и кос в лице и наверняка посвящён в задуманное.

Тем временем Иван, как мощный циклоп, раздвинул руками весь угрюмый лес, откинул-толкнул камень — и открылся холодный зев узкой пещеры, шагов через двадцать обернувшейся широким тоннелем. Стен в тьме не было видно, но идти стало легко.

Через минуту Иван пошарил где-то сбоку, чиркнул спичкой и зажжённый фонарь, неведь откуда взявшийся.

Тоннель сделался как столбовая дорога, а ещё через минуту Иван подошёл к ящикам, это были обитые доской аккумуляторы, пощёлкал — вспыхнул тусклый электросвет.

Я взгляделся и обомлел. Граша ахнула. Мы стояли посреди просторной бетонной ямины с каменными потолками и железными шкафами в длинной сухой стене.

Вдоль другой стенки угрюмыми аккуратистыми рядами выстроились лоб в лоб мотоциклы с колясками.

— Немецкий ухорон, — сказал довольным нашим изумлением Вовка. — Они думали, что через полгода вернутся.

Мотоциклы слабо сияли краской и смазкой, баки были с бензином. В ящиках лежали автоматы; десятки, сотни автоматов, похожих на козлиные ноги; тут же многочисленными стопами высились наполненные зарядами прямые рожки, а в шкафах висела вражья форма, чистая, глаженая, и впрямь как в трофейных военных хрониках.

— Вот тебе, Гранёна Евгеновна, полковничий нарядец, — засмеялся Иван, подавая мундир и обширную кожанку с витыми золотыми погонями да нашивками. — Ты будешь наш дер комендант.

Девушка не могла прийти в себя, но всё надела, и чёрно-золотую фуражку тоже.

— А мы с Вовкой обрядимся в левую форму.

Я был в шоке, как и наша подружка.

— Неужто всё тут столько лет, и никто этого не нашёл?

— Вот я и нашёл, — ответил Иван, надел каску и сразу превратился в угрожающего вояку, каких мы тогда не навидели столь судорожно, что даже

Это было слишком. Мы с Грашей протестующе отпрянули к стене. Топорщившееся из распахнутых шкафов обмундирование целого немецкого мотополка упруго оттолкнуло нас обратно.

— Нет, я не поеду.

— Комсомолце, да? Ничё страшного, мы едем сдавать оружие. Я этот ухорон ещё год назад нашёл, но скажем, что сегодня.

— Тогда можно, — нерешительно проговорила Граша, осторожно села в коляску, подобрал под фуражку волосы и став похожей на самого молодого полковника рейха. — Только стрелять никто не будет, ладно?

Не знаю, зачем я тоже сел. Видно, побоялся остаться один здесь, в этом зловещем тайнике войны. Коляска была удобная, просторная, с ручками.

Фары вспыхнули ярче, осветили ловкий выезд. Мотоциклы рванули с хода, тут же оказались на дороге. Немчура, убегая "на время", всё продумала до наглых мелочей. В ногах у меня были пристёгнуты ящики с консервами, с гранатами, даже кобура с заряженной пистолем.

Автомат я не взял, а Граша, как и братья, перекинула "шмайсер" через плечо и стала вдруг необыкновенно весела.

В Боровичах шумел хоровод — тогда ещё водили хороводы. Девки-перестарки вперемешку с десятилетней мелюзгой, явившейся на этот свет аккурат перед войной, послевоенные пузанчики, выжившие на лебедке (некоторых вскармливали даже паутиной, бережно вынутой из углов, смятой в комочки и ошпаренной кипятком), — все топтались на околице, радуясь тёплой ночи и зрелому лету.

Мы скатились с большака и резко ста-

— К папочке!

— Не надо, Ваня, миленький!

— Надо!

Евгений ещё сидел в правлении: тогда силились по примеру московских верховников работать допоздна. Делать было нечего, и Евгений играл в карты с хитроумным счетоводом Подпертиды-

рой. Это они называли "считать трудодни".

Фары осветили распахнутые окна и будто сделали в них пожар. Покрытый красным бархатом стол стоял прямо у подоконника и запылал, как жаровня.

Иван, в больших фашистских мотоциклетных очках, просунул дуло сквозь раму и вскричал истинным голосом Геббельса:

— Хенде! Мы вернуться! Кто есть председатель?

Евгений и Подпертидыра быстро, словно привычно, вздёрнули руки и разом показали друг на друга.

Иван весело ткнул дулом Евгению на лачкан:

— Хер-рой? Ор-ден?

— Э... это не мой... — враз осипнув и кадыкасто слотнув, выдал Евгений.

— Воевал с вермахт?

— Нет... нет! Плен, плен! Партизаны за это... чуть не расстреляли.

Евгений был жалок, растерзанно требушист, будто посаженный на кол. Здоровые тела его крупно тряслись, а физиономия, вечно блестящая и хищная, сразу вылиняла; и шевелюра, всегда любовно расчёсываемая железной гребёнкой, словно полезла с затылка, обнажая зальсины, с которых катились горошины серого пота.

— Яволь, — едва сдерживая ухмылку, сказал Иван. — Список коммунистов на дер тыш, на стол, шнель.

Председатель, поддёрнув отчего-то сползающие штаны, вынул, судорожно путаясь в бумагах, разлинованную ведомость уплаты партийных взносов, протянул через окно.

Мохнатая его лапа, что всего неделю назад так зверски отбивала Ивану печень и почки, дрожала, как ножки барашка, ведомого на заклание.

Иван взял ведомость, медленно